

Гилберт Честертон

*Смерть и воскрешение
патера Брауна*

MMB-Text

Гилберт Кийт Честертон Смерть и воскрешение патера Брауна (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948885*

Аннотация

Гилберт Кийт Честертон – писатель, поэт и мыслитель, одна из крупнейших фигур в мировой литературе и признанный мастер детективного жанра. Он оказал существенное влияние на лучших представителей этого жанра, в том числе и на Агату Кристи.

Мировую славу Честертону принес цикл рассказов о патере Брауне, застенчивом и неприметном священнике, который совершенно не похож на детектива, но благодаря своему аналитическому уму и пониманию человеческой психологии способен раскрыть самое запутанное преступление.

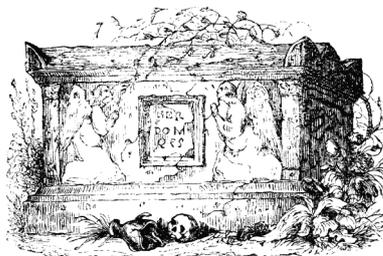
Когда следователи становятся в тупик, патер Браун неизменно находит разгадку, поражая всех своей мудростью и в то же время проповедуя надежду, мужество и доброту.

Содержание

Смерть и воскрешение патера Брауна	4
Небесная стрела	15
Собака-оракул	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гилберт Кийт Честертон Смерть и воскрешение патера Брауна

Смерть и воскрешение патера Брауна

Был период, в течение которого патер Браун пользовался громкой славой, отнюдь его не радовавшей. Газеты кричали о нем, еженедельники полемизировали из-за него; в клубах и гостиных, преимущественно американских, оживленно, хотя и неточно рассказывали о его подвигах. Каким бы нелепым и невероятным это ни показалось всякому, кто знал священника, – его приключения служили даже сюжетом для коротких рассказов, печатавшихся в еженедельных журналах.

Странно, что этот блуждающий сноп прожектора нащупал его в самом глухом или во всяком случае отдаленном из тех многочисленных уголков земного шара, которые служили ему местом пребывания. Он как раз был послан в качестве миссионера, или приходского священника, в одну из тех областей северного побережья Южной Америки, где страны-лоскутки то непрочно прилепляются к европейским державам, то начинают усиленно грозить, что превратятся в независимые республики под защитой исполинской тени президента Монро¹.

Жители этих стран были в основном краснокожие и темнокожие, словом, испано-американцы и главным образом индейцы; но попадались и значительные, все расширяющиеся прослойки американцев северного типа, а также англичан, немцев и прочих.

Началось все с того, что некий приезжий из последней категории, совсем недавно высадившийся на берег и очень раздосадованный исчезновением одного из своих дорожных мешков, подошел к первому попавшемуся ему на глаза зданию с примыкающей к нему часовней, которое оказалось домом миссионера. Вдоль дома тянулась веранда, которую окружал ряд столбов, обвитых черными виноградными лозами с угловатыми, красными в эту осеннюю пору листьями. За столбами восседали, также в ряд, несколько человек, почти столь же неподвижных, как и сами столбы. Их широкополые шляпы и немигающие глаза были черны, а цвет кожи наводил на мысль о красном дереве тамошних лесов. Многие из них курили длинные, тонкие сигары, и во всей группе только дым и шевелился.

Приезжий, по всей вероятности, принял всех сидевших за туземцев, хотя многие из них гордились своим испанским происхождением. Впрочем, приезжий вообще не склонен был проводить тонкие различия: испанцы, краснокожие – не все ли равно! Как только он решил, что эти люди – туземцы, он настроился игнорировать их.

Журналист из Канзас-Сити, он был худощавым, начинающим лысеть мужчиной, с носом, который английский писатель Меридит назвал бы предприимчивым; казалось, этот нос нащупывает путь и шевелится, как хобот муравьяда. Фамилия его была Снейт; роди-

¹ Имеется в виду Джеймс Монро, пятый президент США (1817–1825).

тели, по каким-то неведомым соображениям, нарекли его Солом – это обстоятельство он по возможности тактично скрывал. В конце концов он пошел на компромисс и стал называться Полом, хотя далеко не по тем причинам, которыми руководствовался апостол Павел, просвещавший язычников. Напротив, поскольку ему приходилось иметь дело с подобными вещами, имя гонителя подошло бы ему больше, ибо к организованной религии он относился с пренебрежением, которое можно позаимствовать скорее у Ингерсолла, чем у Вольтера.

Эта-то черта – не из самых главных в его характере – заговорила в нем, когда он очутился лицом к лицу с домом миссионера и группой людей на веранде. Беззастенчивое спокойствие и невозмутимое равнодушие последних разожгло в нем безумную жажду действия. И, после того как ему не удалось добиться определенного ответа на свои вопросы, он сам взял слово. Стоя на самом солнцепеке, в панаме и щеголеватом костюме с иголки, с крепко зажатым в руке дорожным мешком, он заговорил, обращаясь к людям, сидевшим в тени. Он начал с громогласного объяснения – на случай, если такие мысли прежде их не посещали, – объяснения, почему они ленивы, грязны и чертовски невежественны, хуже тех животных, что не выдерживают борьбы за существование и погибают. По его мнению, всем этим они были обязаны пагубному влиянию священников, из-за которых они обнищали и пали настолько низко, что теперь могли только сидеть в тени да курить, ничего не делая.

– Какой же вы мягкотелый сброд! – говорил он. – Позволяете этим фиглярам запугать вас только потому, что они ходят в своих митрах и тиарах, в золотых ризах и прочей ветоши и глядят на каждого так, будто он пыль у них под ногами! Они способны одурачить вас коронами, да балдахинами, да святыми зонтами! Все из-за того только, что напыщенный старикашка – первосвященник какого-то Мумбо-Джумбо – держит себя так, словно он царь земли. А вы что же? На кого вы похожи, простофили вы несчастные?! Говорю вам: вот почему вы пятитесь назад к варварству, не умеете ни читать, ни писать, ни...

В это время из дома торопливо вышел первосвященник, не очень-то смахивавший на царя земли, а скорее похожий на бесформенную подушку, на которую надели подержанное черное платье. На нем не было тиары (если допустить, что он таковую вообще имел) – ее заменяла потрепанная широкополая шляпа, мало чем отличавшаяся от шляп испанских индейцев и к тому же съехавшая на затылок.

Он уже собирался заговорить с неподвижными туземцами, как вдруг заметил незнакомца и поспешил спросить:

– О! Чем могу служить? Не угодно ли вам зайти?

Мистер Пол Снейт вошел в дом. И с этого момента его запас сведений стал быстро пополняться. Надо полагать, инстинкт журналиста одержал в нем верх над предрассудками – это часто наблюдалось у бойких представителей его профессии. Он задал основательное количество вопросов, ответы на которые крайне заинтересовали и удивили его. Он узнал, например, что индейцы умеют читать и писать – их этому научили, но что читают и пишут они лишь в тех случаях, когда этого нельзя избежать, так как предпочитают более непосредственные способы общения. Эти странные люди, восседавшие на веранде так неподвижно, что ни один волос у них не шевелился, умели, как оказалось, трудиться в поте лица на земле, в особенности те из них, которые были больше чем наполовину испанцами. Журналист с удивлением услышал, что у них есть клочки земли, действительно составляющие их

неотъемлемую собственность. За это последнее нововведение туземцы, видимо, держались упорно. Но и патер Браун сыграл тут некоторую роль. В этом выразилось его вмешательство – в первый и последний раз – в политику, и то чисто местного масштаба.

Недавно эти края посетила одна из тех эпидемий атеистического и почти анархического радикализма, которые время от времени вспыхивали в странах латинской культуры; они зарождались в большинстве случаев в виде какого-нибудь тайного общества и заканчивались почти всегда гражданской войной. Лидером партии иконоборцев был здесь некий Альварес, авантюрист довольно колоритного вида, по национальности португалец, а по слухам – наполовину негр. Он возглавлял целый ряд лож и храмов для посвященных, которые в этих странах даже атеизму придавали характер мистицизма.

Лидером консервативной партии было лицо куда более заурядное – весьма состоятельный человек по фамилии Мендоза, владелец нескольких фабрик, человек почтенный, но для роли героя не очень-то подходящий.

Согласно общему мнению, дело партии, стоявшей на стороне закона и порядка, было бы окончательно проиграно, если бы она не приняла тактику, которая имела все шансы стать популярной, – не начала поддерживать туземное население в его стремлении сохранить землю. Патер Браун отстаивал эту идею с самого начала.

Миссионер еще говорил с журналистом, когда вошел Мендоза, лидер консерваторов. Это был тучный смуглый человек с лысым грушевидным черепом и круглым, тоже грушевидным туловищем. Он курил пахучую сигару, но, войдя, отбросил ее несколько театральным жестом и поклонился, весь изогнувшись, хотя подобной гибкости от столь дородного джентльмена совершенно нельзя было ожидать. Он всегда следил за всеми своими движениями, в особенности перед лицом религиозных установлений. Будучи мирянином, он был даже больше церковником, чем сами церковники. Патера Брауна эта его манера всегда стесняла, особенно в частной обстановке.

«Должно быть, я антиклерикал², – с тонкой улыбкой говаривал патер Браун, – так как нахожу, что клерикализм был бы далеко не так опасен, если бы им не занимались миряне».

– Как! Мистер Мендоза! – обрадованно воскликнул журналист. – Мы, кажется, уже встречались? Не были ли вы в прошлом году на Конгрессе торговли в Мексике?

Тяжелые веки мистера Мендозы дрогнули – он узнал.

– Припоминаю, – произнес он с ленивой улыбкой.

– Сколько дел было обстряпано за каких-нибудь два часа! – продолжал Снейт. – Вам, кажется, Конгресс тоже пошел на пользу.

– Мне повезло, – скромно сказал Мендоза.

– И не говорите! – воскликнул с энтузиазмом Снейт. – Удача приходит к тем, кто умеет за нее ухватиться. А вы цепко ухватились! Однако... надеюсь, я вам не мешаю?

– Ничуть. Я частенько позволяю себе навестить патера, чтобы немного потолковать с ним. Только с этой целью.

По-видимому, то обстоятельство, что патер Браун близко знаком с преуспевающим и даже знаменитым дельцом, окончательно примирило с ним практичного мистера Снейта. Миссия, на его взгляд, обрела более respectable вид, а всякие напоминания о религии – каких трудно было избежать ввиду близости часовни – он решил игнорировать. Снейт пришел в полный восторг от программы священника, по крайней мере в части светской и социальной. И заявил, что в любой момент готов сыграть роль живого телеграфа, чтобы оповестить о ней весь мир. С этой минуты патер Браун стал находить, что симпатизирующий журналист гораздо докучливее журналиста-антагониста.

² Антиклерикал – человек, стремящийся уменьшить значение религии и церкви в обществе.

Мистер Пол Снейт принялся рьяно рекламировать патера Брауна. Он писал в его честь длинные и напыщенные восхваления и отсылал их в свою газету. Делал снимки несчастного священника за самыми обыденными его занятиями, снимки, которые в увеличенном виде появлялись в гигантских воскресных приложениях американских газет. Самые невинные речи патера Брауна он превращал в афоризмы и постоянно одаривал мир каким-нибудь «Посланием от досточтимого джентльмена из Южной Америки».

Будь американцы народом менее восприимчивым, патер Браун надоел бы им до смерти. Но при данных обстоятельствах миссионер получал множество самых выгодных предложений совершить турне по Штатам, читая лекции. А когда он отказывался, ему выражали свое удивление и удваивали гонорар.

При участии мистера Снейта было задумано написать множество рассказов о патере, сделав его кем-то вроде Шерлока Холмса. Когда к священнику обратились за советом и помощью, он взмолился, чтобы его оставили в покое. Но мистер Снейт использовал и этот момент, чтобы завязать полемику: не следует ли патеру Брауну временно исчезнуть по примеру героя доктора Ватсона, хотя бы тем же способом – свалившись со скалы. Патер Браун и на это ответил письменно, что он согласен, если только публикацию рассказов приостановят на некоторое время. Втянутый в эту переписку, он писал все лаконичнее. Наконец, набросав последнюю записку, облегченно вздохнул.

Нечего и говорить, что шумиха, которую подняли на Севере, докатилась и до маленького поста на Юге, где патер Браун рассчитывал жить уединенно, как в изгнании. Англичане и американцы, уже довольно многочисленные в тех местах, возгордились, что среди них есть столь широко прославившаяся личность. Американские туристы – из тех, что в Англии, едва сойдя на берег, громко требуют, чтобы им показали Вестминстерское аббатство, – высаживаясь на этом побережье, громко требовали, чтобы им показали патера Брауна. Еще немного – и пустили бы специальные поезда его имени, а людей толпами приводили бы посмотреть на него как на какой-нибудь памятник.

Особенно надоедали ему мелочные торговцы и лавочники, деятельные и тщеславные, постоянно упрашивавшие его испробовать их товар и дать свой отзыв. Даже если отзыв был дан нелестный, они старались продлить корреспонденцию, чтобы накопить побольше его автографов. Благодаря добродушию патера они добивались от него всего, чего хотели. И случилось, что несколько слов, наспех набросанных им в ответ на обращение некоего франкфуртского виноторговца по фамилии Экштейн, изменили его жизнь.

Экштейн был суетливым человеком со взъерошенными волосами и пенсне на носу, изнывавшим от желания, чтобы патер Браун не только испробовал его знаменитого лечебного портвейна, но и сообщил ему на самой расписке в получении, где и когда именно он будет его пить. Патера Брауна не особенно удивила эта просьба: он давно перестал удивляться взбалмошности рекламщиков. Поэтому он нацарапал несколько слов и перешел к другим, более важным делам.

Его прервали снова: на этот раз принесли записку от его политического противника Альвареса. Последний звал миссионера на совещание, на котором надеялся «прийти к соглашению по одному из кардинальных вопросов»; совещание должно было состояться в тот же вечер, в кафе по ту сторону городской стены. На это патер Браун также ответил запиской, в которой выражал свое согласие, и записку вручил ожидавшему ее посланному – цветущему на вид человеку с несколько военной выправкой. Затем, имея в запасе еще часа два, он снова уселся и попытался заняться своими делами. По истечении этого срока налил себе стакан замечательного вина мистера Экштейна, выпил его до дна, взглянув с оттенком иронии на часы, и вышел в ночь.

Маленький испанский городок был весь залит лунным светом, и живописные ворота, к которым подходил патер Браун, с их аркой в духе рококо и причудливой бахромой из пальмо-

вых листьев, напоминали оперную декорацию. Один большой иззубренный лист при свете луны был похож на черную пасть крокодила. Фантазия патера Брауна не задержалась бы на этом образе, если бы кое-что не привлекло его внимания, от природы настороженного: в воздухе было мертвенно-тихо, ни малейшего ветерка, а между тем поникший пальмовый лист шевелился...

Патер Браун оглянулся кругом и убедился в том, что он один. Последние домики остались позади, да и те были наглухо заперты, с задвинутыми ставнями. Он шел между двух стен, сложенных из больших, бесформенных, хотя и обтесанных камней; кое-где между камнями пробивались странные колючие растения. Стены тянулись параллельно до самых ворот. Не было видно огней кафе, расположенного по ту сторону городской стены, – должно быть, до него было еще слишком далеко. Миссионер видел лишь плиты тротуара, бледно освещенные луной, да несколько грушевых деревьев вдоль дороги.

У патера Брауна была способность предчувствовать беду; он ощутил тревогу, но о том, чтобы повернуть обратно, и не помышлял. Любопытство говорило в нем сильнее, чем даже мужество, которым он, безусловно, отличался. Всю жизнь он жаждал правды, даже в пустынях, порой пытался обуздать себя в этом отношении, но совсем избавиться от своего правдолюбия не мог.

Он миновал, не останавливаясь, ворота, и тут с верхушки дерева на него прыгнул, как обезьяна, какой-то человек и ударил его ножом. В ту же минуту другой человек, быстро продвигавшийся ползком вдоль стены, размахнувшись, хватил его дубинкой по голове. Патер Браун обернулся, зашатался и повалился наземь. На его круглом лице отразилось кроткое недоумение.

В это самое время в том же городке проживал другой молодой американец, полная противоположность мистеру Полу Снейту. Звали его Джон Адам Рейс, и был он инженером-электротехником, которого Мендоза пригласил, чтобы провести электричество в старой части городка.

Рейс значительно хуже, в сравнении с американским журналистом, разбирался в политических играх и всевозможных слухах. Хотя фактически в Америке на миллион таких, как Рейс, приходится всего лишь один Снейт. Рейс ничем не выделялся, кроме того, что исключительно хорошо работал в своей области. Начал он свою карьеру в качестве помощника аптекаря в небольшом селении на западе и выбился в люди лишь благодаря собственным стараниям. Свой родной городок он до сих пор считал центром мира. В ослепительном блеске новейших, необычайных открытий, сам постоянно экспериментируя и творя чудеса со звуком и светом – подобно богу, который создавал новые звезды и солнечные системы, – он ни одной минуты не сомневался в том, что нет ничего лучше, чем его мать, семейная Библия и чопорная мораль тихого городка. Он чтил свою мать так глубоко и трогательно, как умеет

читать только ветреный француз. Он считал заповеди Библии единственно правильными и смутно ощущал, что в современном мире ему недостает их.

Трудно было ожидать от него сочувствия к религиозным крайностям католических стран; и действительно, он сходил с мистером Снейтом в том, что недолюбливал митры и хоругви, хотя и выражал это не так заносчиво. Не нравилось ему ханжество Мендозы, но не прельщал и масонский мистицизм атеиста Альвареса. Пожалуй, вся эта полутропическая жизнь, расцвеченная пурпуром и золотом индейцев и испанцев, была для него чересчур колоритна. Во всяком случае он не лукавил, когда утверждал, что здесь ничто не выдерживает сравнения с его родным городом. Этим он хотел сказать, что где-то есть нечто простое и трогательное, чтимое им превыше всего на свете.

Таково было душевное настроение Джона Адама Рейса, очутившегося в глухом южно-американском городке. Но с некоторых пор у него появилось странное чувство, которое он не мог объяснить. Оно все росло, хотя совершенно не вязалось с его предрассудками. Дело было в следующем: во всех своих скитаниях он не встречал ничего, что хоть отдаленно напоминало бы ему о старой поленице дров, о провинциальных правилах приличия, о Библии на коленях матери так, как напоминали круглое лицо и неуклюжий черный зонтик патера Брауна!

Он ловил себя на том, что тайком следил за этой малоприметной и даже комической черной фигуркой, суетливо семенявшей взад-вперед, – следил с настойчивостью почти нездоровой, словно видел перед собой живую загадку или противоречие. В самых недрах того, что он ненавидел, он нашел нечто, нравившееся ему против его воли. Как будто его долго терзали черти низшего ранга, а когда дело дошло до самого дьявола, то оказалось, что он наизураяднейшая личность.

В эту лунную ночь Джону Адаму Рейсу случилось выглянуть в окно, и он увидел проходившего мимо демона непостижимой безупречности; в своей широкополой черной шляпе и длинном плаще он шел, волоча ноги, по направлению к воротам, и Рейс провожал его глазами с интересом, который ему самому казался непонятным. Он с удивлением спрашивал себя, куда идет патер Браун и что он затевает. И долго еще не отходил от окна, глядя на освещенную луной улицу, после того как маленькая черная фигурка скрылась из виду. Тут он увидел еще кое-что, также заинтересовавшее его. Двое других мужчин, которых он узнал, прошли мимо освещенного окна. Голубоватый лунный свет выхватил из мрака копну волос, торчком стоявших на голове маленького Экштейна, виноторговца, и вычертил фигуру повыше и потемнее, с орлиным профилем, в старомодном цилиндре, который придавал облику этого человека еще более причудливый вид – точь-в-точь силуэт из пантомимы теней.

Рейс мысленно одернул себя за то, что позволил своей фантазии разыграться: он узнал черные испанские баки и резкие черты лица доктора Кальдерона, почтенного врача города, которого он как-то видел при исполнении профессиональных обязанностей у Мендозы. Однако что-то в манере, с которой эти люди перешептывались и вглядывались в темноту, показалось ему странным. Повинуясь внезапному побуждению, он перешагнул через низкий подоконник и, не захватив с собой даже шляпы, направился вслед за ними.

Он видел, как они исчезли в арке ворот; секунду спустя в той стороне раздался страшный, неестественно пронзительный крик, особенно испугавший Рейса потому, что слов он понять не мог – кричали на незнакомом ему языке.

Еще мгновение – и послышался топот ног, снова крики, неясный гул, из которого выделялись возгласы гнева и боли; потом в собравшейся толпе началось движение, она отхлынула назад, к воротам, и под аркой ворот эхо отозвалось на другой голос, который крикнул, уже на понятном языке:

– Патер Браун умер!

Рейс бегом бросился к воротам, в которых и столкнулся со своим земляком, журналистом Снейтом, смертельно бледным и нервно шелкавшим пальцами.

– Да, это правда, – сказал Снейт тоном, который в его устах был близок к почтительному. – Он отходит. Доктор осмотрел его: надежды нет. Кто-то хватил его по голове дубинкой, когда он вышел из ворот. Бог весть из-за чего. Это будет большая потеря для всей округи...

Рейс ничего не ответил – быть может, не в состоянии был ответить – и побежал дальше к месту происшествия. Маленькая черная фигурка лежала там, где упала, на пустынной каменистой дорожке, кое-где испещренной звездочками зеленых колючек; толпа стояла поодаль. Ее удерживала на расстоянии главным образом жестикуляция некоей исполинской фигуры, маячившей на переднем плане. Многие даже покачивались из стороны в сторону, вторя движениям ее руки, словно это была рука волшебника.

Альварес, диктатор и демагог, был высок ростом и одет всегда в самые яркие цвета. И на этот раз на нем был зеленый мундир с вышивкой, изображавшей нечто вроде серебряных змей, расползавшихся по нему; на шее висел на яркой ленте орден. Курчавые волосы его уже поседели, и, по контрасту с ними, лицо (цвет которого друзья называли оливковым, а враги – метисовым) казалось маской, отлитой из золота. Но в данный момент это лицо с крупными чертами, лицо, в котором была и сила, и ирония, сурово хмурилось. Он объяснял, что ждал патера Брауна в кафе, как вдруг услышал шум, звук падения и, выбежав, увидел распростертое на плитах тело.

– Знаю, что вы думаете, – закончил он, гордо оглядываясь кругом, – и раз сами вы не решаетесь произнести это вслух, то я скажу за вас. Я атеист. Я не могу призывать в свидетели Бога, если моего слова недостаточно. Но клянусь последней крупинкой чести, какая остается в душе каждого солдата и каждого человека, что я к этому делу непричастен. И если бы мне попались в руки те, кто это сделал, то я с радостью вздернул бы их на дереве.

– Мы, конечно, очень рады вашему заявлению, – торжественно ответил старый Мендоза, стоявший возле тела своего павшего союзника. – Постигший нас удар чересчур тяжел, чтобы мы сейчас могли сказать больше. Я полагаю, будет пристойнее, если мы унесем тело моего друга и прервем этот стихийный митинг. Насколько я понимаю, – обратился он к доктору, – сомнения, к сожалению, быть не может?

– Ни малейшего, – подтвердил доктор Кальдерон.

Джон Рейс вернулся к себе опечаленный и с ощущением какой-то странной пустоты в душе. «Можно ли ощущать потерю человека, с которым даже не был знаком?» – думал он.

Он узнал, что похороны состоятся на другой день: все придерживались мнения, что нужно как можно скорее покончить с этим делом, потому как опасались мятежа; поводов же для опасений набиралось с каждым часом все больше. Тех краснокожих, которых Снейт видел сидевшими рядышком на веранде, можно было принять за ряд старинных ацтекских идолов, высеченных из красного дерева. Но если бы он видел, что стало с ними, когда они услышали о смерти патера Брауна! Они, безусловно, восстали бы и линчевали бы лидера республиканцев, если бы их не удерживало уважение к гробу их собственного религиозного вождя. Настоящие же убийцы, линчевание которых никого не удивило бы, исчезли, будто в воздухе растаяли. Никто не знал, что это за люди, видел ли их когда-либо покойный. Застывшее у него на лице выражение недоумения, возможно, тем и объяснялось, что он узнал их. Альварес продолжал горячо утверждать, что он к этому делу непричастен, и на похоронах шел за гробом в своем роскошном, зеленом с серебром мундире, как бы бравируя своим уважением к покойному.

Позади дома миссионера каменная лесенка в несколько ступенек вела на отвесную зеленую насыпь, обсаженную кактусовой изгородью. Там-то, на насыпи, и поставили гроб – у подножия большого покосившегося распятия, которое возвышалось над дорогой. Внизу, на

дороге, было целое море людей, причитавших и перебивавших четки, – осиротевшее население, лишившееся отца. Альварес держал себя сдержанно и почтительно, хотя все то, что происходило, было прямым вызовом ему. «И кончилось бы, – думал Рейс, – все благополучно, если бы другие оставили демагога в покое».

Рейс с горечью говорил себе, что Мендоза всегда смахивал на глупца, а на этот раз, несомненно, и вел себя соответствующе. Согласно обычаю, распространенному в примитивных обществах, гроб не закрыли и даже лицо оставили открытым. Поскольку это отвечало традиции, вреда от этого быть не могло. Но кто-то из официальных лиц вспомнил французский обычай – говорить надгробную речь у могилы. И Мендоза заговорил; речь была очень длинной, и чем дальше, тем больше падало настроение Джона Рейса, а с ним исчезали и симпатии к религиозному ритуалу. Длинный список самых обветшалых атрибутов святости разворачивался медленно, скучно, как у застольного оратора, который никак не может закончить свою речь. Это уже само по себе было плохо. Но глупость Мендозы дошла до того, что он стал делать выпады и даже бросать оскорбления в адрес своих политических противников. Не истекло и трех минут, как произошел самый настоящий скандал, у которого были весьма неожиданные последствия.

– Зададим же себе вопрос, – высокопарно говорил Мендоза, оглядываясь кругом, – зададим же себе вопрос: можно ли ожидать таких добродетелей от тех, кто в безумии своем отрекся от веры отцов? Да, среди нас есть атеисты, атеисты-вожди, даже подчас атеисты-правители, и их-то гнусная философия и приносит плоды в виде преступлений, подобных этому. Если мы спросим: кто умертвил этого святого человека, то, несомненно, окажется, что...

Африканский дикарь притаился в глазах Альвареса, авантюриста со смешанной кровью. Рейс вдруг понял, что человек этот все-таки варвар и не умеет владеть собой до конца, что весь его просвещенный трансцендентализм³ недалеко ушел от идолопоклонничества. Как бы то ни было, но Мендозе не удалось закончить фразу, так как Альварес выскочил вперед и завопил во всю мощь своего голоса:

– Кто убил его? Его убил ваш бог! Его собственный бог! Вы сами говорите, что он умерщвляет всех своих верных и глупых слуг, как умертвил вот этого. – Резким движением он указал не на гроб, а на распятие.

Несколько овладев собой, он продолжал все еще сердитым, но более спокойным тоном:

– Я не верю, но вы ведь верите. Разве не лучше обходиться совсем без бога, чем иметь бога, который расправляется с вами таким образом? Я по крайней мере нисколько не боюсь утверждать, что в этом слепом и бессмысленном мире нет силы, которая могла бы услышать ваши молитвы и вернуть вам друга. Как бы вы ни молили Небеса воскресить его, он не воскреснет! Как бы я ни бросал вызов Небесам, чтобы они воскресили его, он не воскреснет! Так вот, проверим: бог, которого нет, бросаю тебе вызов – разбуди этого уснувшего навеки человека!

Все оцепенело кругом – демагог произвел желанную сенсацию.

– Следовало ожидать, – хрипло выкрикнул Мендоза, – раз мы допустили такого, как вы...

Новый голос прервал его – высокий и пронзительный голос с американским акцентом.

– Стойте! Стойте! – кричал журналист Снейт. – Смотрите! Клянусь, я видел, он шевельнулся!

Он взбежал по ступенькам и бросился к гробу, а толпа внизу всколыхнулась, охваченная безумным волнением. Снейт тотчас оглянулся, лицо его выражало величайшее изумление. Он поманил пальцем доктора Кальдерона, и тот поспешил к нему. Когда они оба отстра-

³ Трансцендентализм – американское философско-литературное течение, которое критиковало современную цивилизацию и воспевало идею социального равенства «равных перед Богом» людей.

нились от гроба, всем стало ясно, что положение головы патера Брауна изменилось. Толпа испустила вопль, который оборвался на середине, будто повис в воздухе, так как в это время патер Браун вздохнул и приподнялся на локтях в гробу, затуманенным взором глядя на толпу.

Той суматохи, которая поднялась в последующие часы, Джон Адам Рейс, знакомый только с чудесами науки, так и не смог толком описать. Он словно перенесся из мира, ограниченного временем и пространством, в мир невозможного. За полчаса весь город и вся округа превратились в нечто, чего не видели уже многие века: средневековый народ, потрясенный чудом; греческий город, в который к людям сошел Бог. Тысячи людей лежали распростертые на дороге, сотни немедленно дали обет, и даже посторонние, как наши два американца, например, ни о чем другом не могли ни думать, ни говорить. Альварес, как и следовало ожидать, был потрясен и сидел, опустив голову на руки.

Среди этой бури один маленький человек тщетно старался заставить выслушать себя. Голос у него был слабый, а шум вокруг оглушительный. Он делал какие-то неуверенные движения, выражающие, скорее всего, раздражение. Подойдя к самому краю парапета, возвышавшегося над толпой, он махал руками, как пингвин короткими крыльями. Толпа не только шумела, она славословила. И тут патера Брауна в первый раз в жизни охватило крайнее негодование против его детей.

– О, глупый вы народ! Глупый, глупый народ! – крикнул он высоким дрожащим голосом. – Глупый, глупый народ!

Затем вдруг, как бы спохватившись, он шагнул к лестнице и стал торопливо спускаться по ней почти обычной своей походкой.

– Куда вы, отец? – спросил Мендоза еще почтительнее обычного.

– На телеграф, – быстро ответил патер Браун. – Что такое? Нет, конечно, никакого чуда не было! С чего вы это взяли? Чудеса так просто не происходят.

И он проковылял вниз по лестнице, а на пути его люди падали ниц, прося его благословения.

– Благословляю, благословляю, – торопливо говорил патер Браун. – Благослови вас Боже, пусть он поможет вам поумнеть.

И он поспешил на телеграф, откуда послал телеграмму секретарю епископа: «Тут ходят невообразимые толки о чуде. Надеюсь, его преосвященство не поверит. Ничего подобного не было».

Покончив с этим, он зашатался от волнения, и Джон Рейс поддержал его под руку.

– Позвольте мне проводить вас домой, – сказал он. – Вы заслуживаете большего, чем то, что эти люди воздают вам.

Джон Рейс и патер Браун сидели вдвоем в комнате последнего. Стол все еще был завален бумагами, с которыми миссионер возился перед своим уходом из дома; бутылка вина и пустой стакан стояли там, где он их оставил.

– Наконец-то, – почти угрюмо произнес патер Браун, – я могу подумать.

– На вашем месте я пока не стал бы ни о чем думать, – отозвался американец, – вам, наверно, нужно отдохнуть.

– Мне достаточно часто приходилось расследовать убийства, – проговорил патер Браун. – Теперь надо расследовать собственное убийство.

– На вашем месте я выпил бы сначала немного вина, – заметил Рейс.

Патер Браун поднялся, налил себе стакан вина, взял его в руки, рассеянно скользнул по нему взглядом и поставил на прежнее место. Потом он снова уселся и сказал:

– Знаете, что я чувствовал, когда умирал? Вы, пожалуй, не поверите, но это было чувство удивления...

– Вы, должно быть, удивились, что вас ударили по голове, – заметил Рейс.

Патер Браун нагнулся к нему и сказал вполголоса:

– Я удивился тому, что меня *не* ударили по голове.

Рейс с минуту смотрел на него так, будто находил, что удар по голове оставил как нельзя более заметные следы, но спросил только:

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что дубинка, которой замахнулся тот человек, задержалась у самой моей головы, не коснувшись ее. И в ту же минуту другой малый только сделал вид, будто ударил меня ножом, но даже не оцарапал. Это было как на сцене. Да, именно так. Но самое необыкновенное произошло потом...

Некоторое время он задумчиво смотрел на бумаги, разбросанные на столе, затем продолжил:

– Хотя ни нож, ни дубинка не коснулись меня, я вдруг почувствовал, что у меня подкашиваются ноги, что жизнь уходит из меня. Что-то меня убило, но только не нож и не дубинка. И сейчас я, кажется, понял, что это было.

Он указал на вино, стоявшее на столе. Рейс взял стакан, посмотрел на свет, понюхал.

– Думаю, вы правы, – сказал он. – Я был аптекарским помощником и изучал химию. Не берусь утверждать, не сделав анализа, но тут что-то неладно. На Востоке, например, есть снадобья, вызывающие сон, который легко принять за смерть.

– Вот именно, – подтвердил патер Браун совершенно спокойно. – По той или иной причине чудо это было подстроено. Похороны инсценированы, причем и время было строго рассчитано. Я готов предположить, что это как-то связано с той манией рекламировать меня, которой одержим Снейт, но вряд ли он зашел бы так далеко только ради этого. Одно дело – фотографировать меня и выдавать за ложного Шерлока Холмса, а...

Он не договорил, и выражение лица его внезапно изменилось. Моргающие веки опустились на глаза, и он привстал, как будто ему не хватало воздуха.

– Что с вами? – спросил его Рейс.

– Странно, невероятно... я был на волосок...

– Разумеется, – сказал Рейс. – Вы были на волосок от смерти.

– Нет, – возразил патер Браун, – не от смерти, а от позора!

Тот уставился на него. И патер Браун почти выкрикнул следующие слова:

– И если бы это был только мой позор! Нет, опозорено было бы все то, что я отстаивал, – сама моя вера! Вот на что они покушались! Вы представляете, что могло произойти? Самый ужасный из всех скандалов, после того как заткнули глотку лгуну Титусу Отсу!⁴

– Объясните же, наконец, о чем речь, – попросил его собеседник.

– Да, пожалуй, лучше сразу рассказать вам, – согласился патер Браун, усевшись, и продолжал уже спокойнее: – Меня осенило, как только я упомянул о Снейте и о Шерлоке Холмсе. Припоминаю теперь, что я написал по поводу той нелепой выдумки. Ответ вышел будто бы сам собой, а между тем, думается, они искусно довели меня до того, что я написал именно эти слова. Кажется так: «Я готов умереть и ожить снова, подобно Шерлоку Холмсу, если это наилучший выход». Как только я вспомнил об этом, я осознал, что меня не просто так заставляли писать всевозможные вещи, ведь все они сводились к одному... Я написал, например, как пишут соучастнику, что я выпью такое-то вино в такое-то время. Теперь понимаете?

Рейс вскочил на ноги, озадаченный:

⁴ *Титус Отс* – английский авантюрист, который, перейдя из англиканства в католичество, снова возвратился в англиканство и в 1678 г. обвинил католиков в гигантском заговоре против короля и династии; этот донос имел страшные последствия.

– Да, как будто начинаю понимать!

– Они прокричали бы о чуде, а потом опровергли бы его. И, что хуже всего, уверили бы, что я сам был в заговоре! Чудо оказалось бы сфабрикованным нами сообща!

Рейс мрачно взглянул на стол, заваленный бумагами, и спросил:

– Сколько негодяев было в этом замешано?

Патер Браун покачал головой.

– И думать не хочется, сколько их, – сказал он. – Но я надеюсь, что некоторые по крайней мере были простым орудием в руках других. Альварес, вероятно, считает, что на войне все средства хороши, – он странный человек. Мендоза, боюсь, старый лицемер. Я никогда не доверял ему, и он не мог мне простить моего поведения в одном коммерческом деле. Однако со всем этим можно пока подождать. Но как я счастлив, что немедленно телеграфировал епископу...

Джон Рейс, казалось, задумался.

– Вы рассказали мне много такого, чего я не знал, – проговорил он наконец, – а мне хочется поведать вам одну вещь, которая не известна вам. Я прекрасно понимаю, на что рассчитывали эти субъекты. Они не сомневались, что каждый смертный, проснувшись в гробу и узнав, что он попал в святые и стал ходячим чудом, поддастся бы общему увлечению и принял бы корону славы, которая свалилась на него прямо с неба. И я считаю, что психологически расчет их был совершенно верен, – таков человек. Я видел разных людей, в разных местах, но, скажу вам откровенно, не думаю, чтобы на тысячу нашелся хотя бы один, который очнулся бы таким образом, с настолько ясной головой и, даже не совсем придя в себя, проявил бы столько здравого смысла, столько простодушия, столько смирения, что...

Рейс сам удивился своему волнению; всегда ровный голос его дрожал.

Патер Браун рассеянно покосился на бутылку, стоявшую на столе.

– А не распить ли нам бутылочку настоящего винца? – сказал он.

Небесная стрела

Сотни детективных рассказов начинаются, боюсь, с убийства американского миллионера – события, которое почему-то рассматривается как народное бедствие и повергает всех в неопишное волнение. К счастью для меня, и этот рассказ должен начаться с убийства миллионера, собственно говоря, даже с убийства трех миллионеров, что кому-то покажется, пожалуй, *embarras de richesses*⁵. Но именно это совпадение, или, иными словами, длительный характер преступления, и выдвинул данное злодеяние из ряда обычных дел, превратив его в трудноразрешимую загадку.

Общее мнение было таково, что все три миллионера стали жертвой вендетты или заклęcia, связанного с обладанием очень ценной, как с точки зрения исторической, так и по существу, реликвии – сосуда, инкрустированного драгоценными камнями и известного под названием коптской чаши. Происхождение его было не выяснено, но назначение связывалось с религиозными обрядами, и кое-кто объяснял гибель его обладателей фанатизмом неких восточных христиан, возмущенных тем, что чаша попадала в столь материалистические руки.

Во всяком случае в мире журналистов и болтунов таинственный убийца вызывал интерес, близкий к сенсации, независимо от того, был ли он фанатиком или нет. Безымянное существо наделили даже именем, или прозвищем. Впрочем, наш рассказ касается лишь третьей жертвы, так как только в этом случае патер Браун, герой наших набросков, имел возможность проявить себя.

Когда патер Браун, сойдя с трансатлантического пакетбота⁶, впервые ступил на американскую землю, он, подобно многим другим англичанам, обнаружил, что представляет собой гораздо большую величину, чем предполагал до сих пор. На его родине малорослая фигурка, скромные манеры, близорукие глаза и порыжелая сутана остались бы незамеченными в любой толпе, а если и выделались бы, то разве что своей незначительностью.

Но Америка гениальна по части прославления и рекламы. И участие патера Брауна в расследовании двух-трех замысловатых уголовных случаев, а также его продолжительное общение с Фламбо, экс-преступником и детективом, создало ему в Америке громкую репутацию, тогда как в Англии о нем только-только поговаривали.

На круглой физиономии патера Брауна выразилось удивление и смущение, когда на набережной его остановила группа журналистов, которую можно было принять за шайку разбойников. Они стали засыпать его вопросами о вещах, в которых он менее всего мог считать себя компетентным, как то: о разных деталях дамских туалетов и о статистике преступности страны, где он оказался впервые.

Пожалуй, по контрасту с этой солидарной, действовавшей в боевом порядке группой бросалась в глаза одинокая фигура, стоявшая в стороне и своей чернотой выделявшаяся в этот яркий солнечный день, – фигура высокого человека с желтоватым лицом, в больших очках. Дождавшись, когда журналисты закончили, он остановил патера Брауна словами:

– Простите, не ищите ли вы капитана Уэйна?

⁵ Чрезмерное богатство выбора, разнообразие (*фр.*).

⁶ *Пакетбот* – почтово-пассажирский пароход.

Нужно извинить патера Брауна, да и сам он искренне готов был просить прощения – не будем забывать, что он только высадился в этой стране и до сих пор никогда не видел круглых очков в черной оправе: мода не дошла еще до Англии. Первой его мыслью было, что перед ним какое-то пучеглазое морское чудовище. Одет незнакомец был прекрасно, и патер Браун по наивности изумился, зачем этот щеголь так уродует себя. Приставил бы еще для пушего изящества деревянную ногу!

Заданный вопрос также сильно смутил его. В длинном списке лиц, которых он рассчитывал повидать во время своего пребывания в Америке, действительно значился американский авиатор по фамилии Уэйн, приятель его друзей во Франции. Но священник никак не ожидал, что так скоро услышит о нем.

– Простите, – с некоторым сомнением ответил он. – Вы сами капитан Уэйн? Или... или знаете его?

– Могу утверждать с уверенностью, что я не капитан Уэйн, – ответил человек в очках с невозмутимым выражением лица, – по крайней мере у меня не было на этот счет никаких сомнений, когда я оставил Уэйна дожидаться вас в автомобиле. На другой вопрос ответить не так просто. Думается мне, что я знаю Уэйна и его дядюшку, и старика Мертон тоже. Но старый Мертон не знает меня. И думает, что выигрывает от этого он, а я думаю, что я. Поняли?

Патер Браун не совсем понял. Он, шурясь, перевел взгляд с искрящейся поверхности моря на шпили и башни города, а потом на мужчину в очках. Впечатление непроницаемости, которое производил этот человек, создавалось не одними очками: в лице его было что-то азиатское, даже китайское, а в речи сквозила ирония. Среди простодушного и общительного населения Америки попадались и такие загадочно-замкнутые типы.

– Зовут меня Дрейдж, – проговорил он. – Норман Дрейдж, и я американский гражданин, чем все и объясняется. Во всяком случае я полагаю, что ваш друг Уэйн предпочтет сам объяснить вам остальное.

И ошеломленный патер Браун был увлечен к стоявшему в отдалении автомобилю, из которого ему махал рукой молодой человек с растрепанными желтыми волосами и измученным угрюмым лицом. Молодой человек назвал себя Питером Уэйном. Патер Браун и опомниться не успел, как его погрузили в автомобиль, который помчался во весь опор по направлению к городу. Он не привык еще к стремительности американцев и чувствовал себя не менее озадаченным, чем если бы колесница, запряженная драконами, увлекла его в волшебное царство. И в таких-то непривычных для себя условиях он в первый раз узнал из длинных монологов Уэйна и коротких сентенций Дрейджа о двух преступлениях, которые были связаны с коптской чашей.

Оказалось, что у Уэйна был дядюшка по имени Крейк, а у того – компаньон по имени Мертон, третий по счету богатый делец, к которому перешла чаша. Первый из них, Титус Трент, медный король, получил в свое время ряд угрожающих писем, подписанных человеком, назвавшимся Даниэлем Роком. Имя было, вероятно, вымышленное, но вскоре оно стало так же известно, как имена Робина Гуда и Джека-потрошителя, вместе взятые, ибо выяснилось, что автор писем отнюдь не думает ограничиться угрозами: однажды поутру старика Трента нашли мертвым в его собственном, поросшем кувшинками пруду; никаких следов преступника найдено не было.

К счастью, чаша хранилась в банковском сейфе. Вместе с другим имуществом она перешла к кузену покойного, Брайану Хордеру, который также был очень богат. После множества угроз в адрес Хордера его труп нашли у подножия скалы, неподалеку от его приморской виллы. Все вещи в доме были перевернуты. И хотя грабитель не получил чашу, он похитил у Хордера почти все ценные бумаги.

– Вдове Брайана Хордера, – рассказывал Уэйн, – пришлось продать почти все драгоценности. Наверно, именно тогда Брандер Мертон и приобрел знаменитую чашу. Во всяком случае, когда мы познакомились, она уже была у него. Но, как вы понимаете, обладание чашей – довольно обременительная привилегия.

– Мистер Мертон тоже получает письма с угрозами? – спросил патер Браун.

– Думаю, что да, – сказал мистер Дрейдж и беззвучно засмеялся, так что у священника мурашки побежали по коже.

– Я почти не сомневаюсь, что он получает такие письма, – нахмурился Питер Уэйн. – Я сам их не читал: его почту просматривает только секретарь, и то не полностью, поскольку Мертон любит держать свои дела в секрете. Но я однажды видел, как он огорчился, получив какие-то письма; он, кстати, тут же порвал их, так что секретарь их не видел... Одним словом, мы будем очень признательны тому, кто поможет нам во всем этом разобраться. А поскольку мы наслышаны о вашей репутации, патер Браун, секретарь просил меня пригласить вас в дом Мертона.

– Вот оно что! – воскликнул патер Браун, который наконец начал понимать, куда его везут. – Но я даже не представляю, чем могу вам помочь. Вы ведь были здесь все это время, а я только сегодня сошел на берег...

– Да, – сухо заметил мистер Дрейдж, – но наши выводы весьма сухи и материалистичны. А ведь сразить такого человека, как Титус Трент, могла только кара небесная. Как говорится, гром среди ясного неба.

– Неужели вы о вмешательстве потусторонних сил? – воскликнул Уэйн.

Но не так-то просто было угадать, что имеет в виду Дрейдж. Он не проронил больше ни слова. Вскоре автомобиль замедлил ход, и патер Браун увидел странную картину.

Дорога, которая до этого шла среди редко растущих деревьев, внезапно вывела их на широкую равнину. Перед ними появилась высокая стена, которая образовывала круг. Эта постройка чем-то напоминала аэродром. Стена оказалась металлической.

Они вышли из автомобиля и после долгих манипуляций, вроде тех, какие проделываются с сейфами, с большими предосторожностями открыли в стене узкую дверь. К величайшему изумлению патера Брауна, человек, именуемый Норманом Дрейджем, не выразил никакого желания войти, а распростился с ними, зловеще ухмыляясь.

– Я не пойду, – сказал он. – Столько удовольствий разом может оказаться старику Мертону не по силам. Он так любит меня, что, не дай бог, еще умрет от радости.

И он зашагал прочь, а патера Брауна, не перестававшего удивляться, пропустили за стальную дверь, которая моментально захлопнулась за ним. Они попали в ухоженный сад, который пестрел яркими цветами, однако там не было ни деревьев, ни высоких кустарников. Посреди сада стоял дом прекрасной архитектуры, но такой узкий и высокий, что напоминал скорее башню. Лучи палящего солнца играли то в одном, то в другом стекле под самой крышей, но в нижней части дома окон, похоже, совсем не было. Миновав портал, они увидели в качестве отделки мрамор всех оттенков, металлы, изразцы, но лестница отсутствовала. Только в углублении между крепкими стенами ходил лифт, доступ к которому охранялся двумя дюжими молодцами, напоминавшими полицейских в штатском.

– Охрана весьма серьезная, знаю, – сказал Уэйн. – Вам покажется, может быть, смешным, отец Браун, что Мертону приходится жить в такой крепости. Даже в саду нет ни одного дерева, за которым мог бы укрыться человек. Но вы не знаете эту страну и не понимаете, какую трудную задачу нам пришлось решать. И, вероятно, не знаете, кто такой Брандер Мертон. Человек он с виду тихий, на улице никто и внимания на него не обратит; да сейчас, положим, и случая не представляется: он выезжает очень редко, и то в наглухо закрытом автомобиле. Но, если бы что-нибудь случилось с Брандером Мертоном, это было бы равносильно землетрясению, которое охватило бы всю страну. Думаю, что такой власти над наро-

дами не имел ни один король, ни один император! А ведь предложи вам кто-нибудь посетить царя или английского короля, вы, вероятно, пошли бы из любопытства? Возможно, что до царей и миллионеров вам никакого дела нет, но власть, которой они обладают, сама по себе всегда вызывает интерес. И я надеюсь, что вам не придется поступаться своими принципами, навещая такого человека, как Мертон?

– Ничуть, – спокойно ответил патер Браун. – Мой долг – навещать заключенных и всех несчастных пленников.

Последовало молчание; на худом лице нахмурившегося молодого человека мелькнуло странное, лукавое выражение. Затем он резко произнес:

– Ну, вы должны помнить, что на него ополчились не простые преступники. Даниэль Рок – сам черт. Вспомните, что он расправился с Трентом в его собственном саду, а с Хордером – вблизи его виллы, а сам ускользнул.

Верхний этаж дома, защищенный громадной толщины стенами, состоял из двух комнат: наружной, в которую они вошли, и внутренней, которая являлась святилищем миллионера. Они вошли в первую как раз в тот момент, когда из второй выходили два посетителя. Одного из них Питер Уэйн представил как своего дядюшку. Маленький, но очень крепкий и подвижный человек с бритой головой и смуглым лицом, настолько смуглым, что оно, казалось, вряд ли когда-нибудь было белым, – старый Крейк, иначе Гикори Крейк, приобрел известность во время последних войн с краснокожими.

Спутник его представлял полную противоположность ему: высокий джентльмен с елеяным выражением лица, с черными, будто лакированными волосами и с моноклом на широкой черной ленте. Бернард Блейк, поверенный старого Мертона, только что участвовал в деловом совещании компаньонов.

Все четверо сошлись посреди первой комнаты и, прежде чем разойтись в разные стороны, остановились, чтобы обменяться, как того требовали приличия, несколькими фразами. Но, кроме них, в комнате был еще некто. В самой ее глубине, у двери во внутреннюю комнату, в слабом свете, падавшем из окна, виднелась массивная неподвижная фигура. Это был человек с африканскими чертами лица и широченными плечами.

Он не двинулся, не шевельнулся, не поздоровался ни с кем. Но Питер Уэйн, увидев его в наружной комнате, с тревогой осведомился, остался ли кто-нибудь с Мертоном.

– Не поднимай шум, Питер, – рассмеялся его дядюшка. – С ним Уилтон, секретарь, и, я полагаю, этого достаточно. Уилтон, кажется, никогда не спит, охраняя Мертона. Он стоит двадцати телохранителей, а проворен и невозмутим, как индеец.

– Ну, вам лучше знать, – согласился, также засмеявшись, племянник. – Помню, каким вы учили меня индейским штукам, когда я был мальчуганом и любил читать о краснокожих. Но в моих рассказах краснокожим всегда приходилось несладко.

– В жизни было не так! – сурово сказал старый вояка.

– Неужели? – ласково переспросил мистер Блейк. – Я думаю, им трудно было противостоять нашему огнестрельному оружию.

– Я видел, как индеец, находясь под обстрелом сотни ружей и не имея при себе ничего, кроме ножа, убил белого, стоявшего рядом со мной на вышке форта, – продолжал Крейк.

– Что вы говорите! И как же он это сделал?

– Бросил нож, – пояснил Крейк. – Бросил с молниеносной быстротой, прежде чем раздался первый выстрел. Уж не знаю, где он этому научился.

– Надеюсь, вы не научились у них? – засмеялся племянник.

– Пожалуй, – задумчиво проговорил патер Браун, – из этого случая можно вынести некоторую мораль...

Во время их разговора мистер Уилтон, секретарь, вышел из внутренней комнаты и остановился. Это был бледный светловолосый человек с квадратным подбородком и внима-

тельными глазами, в выражении которых было что-то собачье. Казалось вполне правдоподобным, что этот человек спит одним глазом, как сторожевой пес.

Он сказал: «Мистер Мертон примет вас минут через десять», но разговор тут же оборвался. Старый Крейк заявил, что ему надо уходить, и племянник вышел вместе с ним и его спутником-юристом, на несколько минут оставив патера Брауна наедине с секретарем. Великан-негр в конце комнаты в счет не шел – так неподвижно он сидел, прислонившись широкой спиной к стене и повернувшись лицом к двери во внутреннюю комнату.

– Охраняем мы его исправно, как видите, – сказал секретарь, – вы, должно быть, слышали об этом Даниэле Роке и согласитесь с нами, что небезопасно часто и надолго оставлять шефа одного.

– Но сейчас-то он один, не так ли? – спросил патер Браун.

Секретарь поднял на него серьезные серые глаза.

– Всего четверть часа, четверть часа за целые сутки. Дольше ему не удастся пробыть в одиночестве. А эту четверть часа он отстаивает по совершенно исключительной причине.

– А именно? – заинтересовался посетитель.

Уилтон, секретарь, продолжал смотреть на священника тем же внимательным взглядом, но губы его сжались.

– Коптская чаша, – сказал он. – Вы, может быть, забыли о коптской чаше, но он-то о ней не забывает, как и ни о чем вообще. Он никому из нас не доверяет ее. Она заперта где-то там, в комнате. Только он может достать ее и достает лишь тогда, когда остается один. Вот и приходится рисковать этой четвертью часа... Впрочем, риска, в сущности, нет. Я превратил это место в мышеловку, в которую сам черт не смог бы забраться, во всяком случае выбраться бы точно не смог. Если бы этому проклятому Даниэлю Року вздумалось нанести нам визит, ему пришлось бы здесь задержаться, Богом клянусь! Четверть часа я сижу здесь как на раскаленных углях, но если только я услышу выстрел или шум борьбы, я тотчас нажму эту кнопку, и электрический ток кольцом охватит стену сада, так что каждый, кто вздумает перебраться через нее, будет обречен на смерть. Да выстрела и быть не может: единственный вход – вот этот, а единственное окно, у которого он сидит, находится в самом верху башни – башни с отвесными стенами, скользкими, как смазанный маслом шест. И все-таки мы все здесь, конечно, вооружены. Если бы Даниэль Рок явился сюда, он не выбрался бы отсюда живым.

Патер Браун в раздумье уставился на ковер и вдруг сказал полушутя:

– Надеюсь, вы не обидитесь на меня, но мне только что пришло в голову... это касается вас...

– В самом деле? – спросил Уилтон. – Что же именно?

– Мне кажется, – ответил патер Браун, – вы одержимы одним стремлением, и оно состоит не столько в том, как бы оградить Мертона, сколько в том, как поймать Даниэля Рока.

Уилтон едва заметно вздрогнул, продолжая так же внимательно смотреть на своего собеседника, затем его сурово сжатый рот мало-помалу расплылся в странной улыбке.

– Как вы могли?... Что навело вас на эту мысль? – спросил он.

– Вы сказали, что, услышав выстрел, вы тотчас отрезали бы путь врагу при помощи электрического тока, – объяснил священник. – Должно же вам было прийти в голову, что выстрел мог убить вашего патрона раньше, чем ток остановил бы его врага? Я не хочу сказать, что вы не стали бы защищать мистера Мертона, если бы имели возможность, но это у вас как-то на втором плане. Охрана здесь самая строгая, и установлена она, по-видимому, вами. Но во всем видно скорее желание поймать убийцу, чем спасти человека.

– Патер Браун, – сказал секретарь своим обычным спокойным тоном, – вы очень наблюдательны, но в вас есть и нечто большее. Вы человек, от которого не хочется ничего скрывать. Надо мной уже подшучивают, называют маньяком из-за того, что я гоняюсь за этим

преступником; возможно, что я и в самом деле маньяк. Но открою вам то, чего никто не знает: мое полное имя – Джон Уилтон Хордер.

Патер Браун кивнул, будто это ему все разъяснило, но секретарь продолжал:

– Человек, который называет себя Роком, убил моего отца и моего дядю, разорил мою мать. Когда Мертону понадобился секретарь, я предложил ему свои услуги, так как считал, что где чаша, там рано или поздно окажется и преступник. Но я не знал, кто он; надо было выждать. Мертону же я всегда служил верой и правдой.

– Понимаю, – мягко сказал патер Браун. – Кстати, не пора ли нам пройти к нему?

– О да, разумеется! – отозвался Уилтон, будто внезапно вернувшись к действительности. – Входите!

Патер Браун направился во внутреннюю комнату. Никто не приветствовал его. Мертвое молчание. Спустя мгновение он снова появился в дверях. И в тот же миг сидевший подле дверей молчаливый телохранитель шевельнулся. Впечатление было такое, будто ожил крупный предмет мебели. Казалось, что-то в самой позе патера Брауна вызвало эту перемену – лицо священника оставалось в тени.

– Я думаю, вам следует нажать ту кнопку, – сказал он, вздохнув.

Уилтон точно очнулся от оцепенения и бросился вперед.

– Выстрела не было! – срывающимся голосом крикнул он.

– Смотря по тому, что называть выстрелом, – возразил патер Браун.

Они оба вошли во внутреннюю комнату, сравнительно небольшую, но изящно обставленную. Прямо напротив дверей было открытое окно, выходившее на сад и долину. У самого окна стояли кресло и небольшой столик. Казалось, в те короткие минуты, когда Мертон оставался в одиночестве, он хотел насладиться светом и воздухом.

На маленьком столике у окна стояла коптская чаша – хозяин, видимо, хотел полюбоваться ею в самом выгодном освещении. Да, она того стоила. Но Брандер Мертон не смотрел на нее: он откинулся головой на спинку кресла, и в горле его торчала длинная, темная стрела с красными перьями на конце.

– Бесшумный выстрел, – вполголоса сказал патер Браун, – я как раз думал о новых достижениях в этой области. Но данное изобретение довольно старое, хотя тоже бесшумное. – И прибавил, помолчав: – Боюсь, он умер! Что вы намерены делать?

Побледневший секретарь наконец собрался с мыслями и, видимо, принял решение.

– Да, я нажму кнопку, – сказал он, – и если это не поможет, то я стану преследовать Даниэля Рока, пока не найду его, даже если мне придется гнаться за ним на край света.

– Берегитесь, как бы не пострадали наши друзья, – заметил патер Браун. – Они не могли уйти далеко. Вы бы окликнули их.

– Они знают устройство этой системы, – успокоил его Уилтон, – никто из них не вздумает перелезть через стену, разве что в сильной спешке...

Патер Браун подошел к окну, через которое, очевидно, влетела стрела, и выглянул наружу. Сад с его плоским цветником лежал далеко внизу, напоминая раскрашенную нежными тонами карту мира. А башня вытянулась так высоко, что патеру Брауну вдруг вспомнилась странная фраза.

– «Гром среди ясного неба...» – прошептал он. – Кто это говорил? «Гром среди ясного неба...» Взгляните, как все далеко. Непонятно, как могла залететь сюда стрела, если только это не была небесная стрела... Наводит на мысли об аэропланах. Надо потолковать с молодым Уэйном...

– Они тут часто кружат, – сказал секретарь.

– Оружие либо очень новое, либо очень старое, – заметил патер Браун. – Кое-какие сведения по этому поводу есть, должно быть, у дядюшки Крейка. Надо расспросить его о стрелах. Похоже на стрелу краснокожего. Не знаю, откуда краснокожий мог пустить ее. Но

вы помните, что рассказывал старик? Я еще сказал, что из этого можно вывести некоторую мораль.

– О, мораль! – с готовностью отозвался Уилтон. – Краснокожий может пустить стрелу с большего расстояния, чем предполагают, – вот вам и вся мораль! Бессмысленно проводить параллель.

– Не думаю, что вы вполне правильно уяснили себе мораль, – сказал патер Браун.

Хотя в последующие дни маленький священник будто растворился среди многомиллионного населения Нью-Йорка и не стремился быть кем-либо иным, кроме как человеком, проживающим на улице номер такой-то, но на самом деле он в течение двух недель был всецело поглощен возложенным на него поручением, потому что сильно боялся ошибки правосудия. Он пользовался всяким удобным случаем, чтобы переговорить с двумя-тремя своими новыми знакомыми, причастными к этому таинственному делу. Разумеется, не подавая вида, будто он в чем-либо их подозревает.

Особенно любопытный разговор у священника состоялся со старым Гикори Крейком. Дело происходило на скамейке в Центральном парке, где сидел ветеран, опершись костлявыми руками и заостренным подбородком на странной формы набалдашник своей трости красного дерева – набалдашник, чем-то напоминающий томагавк.

– Да, расстояние большое, – говорил он, покачивая головой, – но я советовал бы вам не быть чересчур категоричным насчет того, с какого расстояния может попасть в цель стрела индейца. Помню несколько случаев, когда стрела летела так же прямо, как пуля, и попадала в цель удивительно метко, принимая во внимание дальность расстояния. Конечно, сейчас ничего не слышно ни о каких краснокожих с луками и стрелами, тем более не слышно, чтобы краснокожие бродили поблизости. Но если предположить, что кто-нибудь из славных индейских стрелков со старинным луком в руках скрывался в перелеске, в нескольких сотнях ярдов от стен, окружающих дом Мертона... Одним словом, я не поручусь, что доблестный дикарь не сумел бы послать стрелу через стену в самое верхнее окно дома Мертона, даже в самого Мертона. В былые времена я видел и не такие чудеса.

– И не только видели, но и совершали, вероятно? – непринужденно осведомился патер Браун.

Крейк поперхнулся и угрюмо проворчал:

– О, это старая история!

– Люди не прочь иногда покопаться в прошлом, – продолжал патер Браун. – Я полагаю, в вашем послужном списке нет ничего такого, что могло бы дать им повод для неприятных разговоров?

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Крейк, и глаза его забежали на красном, словно деревянном лице, чем-то тоже напоминающем томагавк.

– Ну, раз вам так хорошо знакомы уловки и приемы краснокожих... – медленно начал патер Браун.

Крейк только что сидел, скорчившись и тяжело опираясь на свою трость с диковинным набалдашником, но при этих словах он вскочил и выпрямился во весь рост, с воинственным видом потрясая зажатой в руке тростью.

– Что такое? – сильным голосом закричал он. – Какого черта? Вы смеете подозревать меня в том, что я убил своего шурина?

Люди, сидевшие на соседних скамейках и на расставленных вдоль дорожки стульях, повернулись и уставились на споривших: на лысого, энергичного старика, который размахивал своей тростью, как дубинкой, и на кругленького человечка в черном, который смотрел на него, не шевеля ни единым мускулом. В первый момент казалось, что человек будет уложен с чисто индейской быстротой, и на горизонте уже появилась массивная фигура поли-

цейского-ирландца, который направлялся к группе. Но священник сказал самым мирным тоном, будто отвечая на простой вопрос:

– Я сделал кое-какие выводы, но не собираюсь говорить о них, пока не найду им подтверждения.

Трудно сказать, что повлияло на Гикори – взгляд ли патера Брауна или звук шагов полицейского, но старик, ворча, сунул трость под мышку и нахлобучил шляпу. Патер Браун кротко простился с ним, не спеша вышел из парка и направился в холл того отеля, где рассчитывал найти молодого Уэйна.

Молодой человек вскочил с места, здороваясь с ним; вид у него был еще более усталый и измученный – казалось, его снедает тревога. Патер Браун заподозрил, кроме того, что его юный друг только что нарушал последнюю поправку к американской конституции⁷. Однако при первом упоминании о занимавшем их обоих трагическом случае Уэйн оживился и весь превратился во внимание. А патер Браун начал с того, что как бы невзначай спросил, часто ли летают аэропланы в тех местах, где находится дом Мертона, и упомянул, что в первый момент принял его обиталище за аэродром.

– Удивительно, что вы не видели там ни одного аэроплана, – ответил капитан Уэйн. – Иной раз они так и носятся, как мухи. Эта долина – самое подходящее для них место. И впоследствии, возможно, она станет излюбленным, так сказать, гнездом для этого рода птиц. Я и сам не раз летал в тех краях и знаю почти всех, кто летал еще до войны. Но сейчас авиацией начали заниматься люди, с которыми я совершенно не знаком. Скоро, верно, с аэропланами будет то же, что с автомобилями: каждый гражданин Соединенных Штатов решит обзавестись своим...

– Потому как каждому Создатель даровал право на жизнь, свободу и... на вождение автомобиля... не говоря уже об аэроплане, – с улыбкой сказал патер Браун. – Надо думать, следовательно, что, если бы над домом пролетел чужой аэроплан, никто не обратил бы на него внимания?

– Да, – подтвердил молодой человек.

– С другой стороны, – продолжал его собеседник, – даже хорошо знакомый вам летчик мог воспользоваться чужим аэропланом. Вот вас, например, мистер Мертон и его друзья могли бы узнать, но стоило бы вам переменить машину, или как это там называется, и вы имели бы полную возможность пролететь настолько близко от окна, насколько это потребовалось бы из практических соображений...

– Да... – начал молодой человек почти машинально и вдруг замолчал и уставился на священника, разинув рот и выпучив глаза. – Боже! – вырвалось у него. – Боже!

Он поднялся, дрожа всем телом и не сводя глаз с патера Брауна.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул он. – Вы бредите?

И после паузы заговорил снова, захлебываясь от волнения:

– Вы осмелились явиться сюда, чтобы намекать...

– Нет, всего лишь для того, чтобы озвучить некоторые предположения, – сказал патер Браун, поднимаясь. – Я, кажется, сделал кое-какие предварительные заключения, но предпочитаю пока держать их при себе.

И, раскланявшись со своим собеседником с чопорной учтивостью, он ушел из отеля, с тем чтобы продолжить свои странствия.

Вечером того же дня они привели его в самую старую и запустелую часть города, где мрачные улочки и лесенки спускались к реке. Под разноцветным фонарем, у входа в довольно низкопробный китайский ресторанчик, патер Браун увидел знакомую фигуру. Он уже встречал этого человека, но тот прежде выглядел совсем иначе.

⁷ Имеется в виду «сухой закон».

Мистер Норман Дрейдж по-прежнему сурово смотрел на мир через большие очки. Но, если не считать очков, во всей его внешности за истекший после убийства месяц произошла разительная перемена. Тогда он был одет с иголочки – патер Браун обратил на это внимание, – одет с той изысканностью, при которой почти стирается грань между денди и манекеном в витрине портного. Теперь его цилиндр потрепался, а платье износилось. Цепочка для часов и другие украшения исчезли. Тем не менее патер Браун обратился к нему так, будто они расстались лишь вчера, и, не задумываясь, уселся рядом с ним на скамье в дешевой харчевне, куда тот направлялся.

Однако Дрейдж заговорил первым:

– Что ж, удалось вам отомстить за святого и канонизированного миллионера? Известно ведь, что всех миллионеров причисляют к лику святых. Стоит заглянуть в газету на другой день после их смерти. Там все сказано: как они росли, просвещались, читали семейную Библию, сидя на коленях у матери. А ведь эта древняя книга переполнена жестокими историями, которые сейчас уже отошли в область предания, – мудростью каменного века, погребенного под пирамидами. Что, если бы кто-нибудь сбросил старика Мертон с этой его башни и отдал на съедение псам? А с Иезавелью поступили не лучше. Разве Агага не изрубили на куски, когда он «подошел дрожа»? Мертон – будь он проклят – тоже все время дрожал. И стрела божья настигла его точь-в-точь как в древней книге. И поразила его насмерть в его башне, народам на удивление!..

– Стрела во всяком случае была самая настоящая, материальная, – сказал собеседник Дрейджа.

– Пирамиды еще материальнее! В их недрах томятся мертвые фараоны, – ухмыльнулся человек в очках. – Думается мне, многое говорит в пользу этих древних религий. На старых камнях высечены боги и императоры с натянутыми луками и с такими руками, которые, судя по всему, и каменный лук могли бы согнуть. Материал, конечно, – но что за материал! Вам не случалось смотреть на эти старинные восточные изображения и задумываться о том, что древний господь бог до сих пор, возможно, правит колесницей, как темнокудрый Аполлон, и рассылет стрелы смерти?

– Если бы это было так, я назвал бы его не Аполлоном, а другим именем, – возразил патер Браун. – Но не думаю, что Мертон убила «стрела смерти» или каменная стрела.

– Вы, должно быть, воображаете его святым Себастьяном, пронзенным стрелой, – хихикнул Дрейдж. – Миллионера надо непременно возвести в мученики. А вы не думаете, что он получил по заслугам? Миллионеры, верно, не по вашей части. Разрешите же вам сказать, что он заслуживал и худшей участи...

– Так почему же вы не убили его? – мягко спросил патер Браун.

– Вы спрашиваете почему? – воскликнул Дрейдж, явно озадаченный. – Замечательный священник, нечего сказать!

– Ну что вы, бросьте, – отозвался патер Браун, будто отвечая на комплимент.

– Вы, очевидно, хотите сказать, что его убил я? – огрызнулся Дрейдж. – Тогда докажите! А что касается его – невелика потеря, как мне кажется.

– Напротив, велика! – резко ответил патер Браун. – Для вас. Поэтому-то вы и не убили его.

Он ушел, а человек в очках смотрел ему вслед с разинутым ртом.

Прошел почти месяц, прежде чем патер Браун во второй раз побывал в доме, где третий миллионер пал жертвой вендетты Даниэля Рока. Собрался совет из наиболее заинтересованных лиц. Во главе стола сидел старый Крейк, по правую руку от него – племянник, по левую – юрист. Огромный человек с африканскими чертами лица – как оказалось, его звали Харрис – присутствовал в качестве свидетеля; рыжеволосый, остроносый субъект, откликнувшийся на

имя Диксона, по-видимому, представлял собой пинкертоновское или какое-то другое детективное агентство. Патер Браун скромно проскользнул на пустое место подле него.

Все газеты земного шара были переполнены сведениями о катастрофической кончине финансового колосса, одного из тех великих дельцов, которые вершат судьбы современного мира. Но несколько человек, находившихся вблизи от него в самый момент его смерти, не много могли сообщить. Дядя, племянник и адвокат заявляли, что они уже успели выбраться за наружную стену к тому времени, как была поднята тревога. Сторожа, охранявшие оба выхода, путались в показаниях, но в общем подтверждали это заявление. Лишь одно обстоятельство вносило некоторую путаницу и требовало тщательного расследования. Судя по всему, примерно в то самое время, когда произошло убийство, у входа бродил какой-то таинственный незнакомец, который хотел видеть мистера Мертон. Слуги долго не могли понять, чего он хочет, так как выражался он очень витиевато. Но впоследствии его появление показалось всем подозрительным, тем более что он говорил что-то о злом человеке, который будет уничтожен по воле небес.

У Питера Уэйна загорелись глаза; он подался вперед и сказал:

– Бьюсь об заклад, что это был Норман Дрейдж.

– Это что еще за птица? – спросил его дядюшка.

– Я сам не прочь бы узнать, – ответил молодой человек. – Я даже как-то раз прямо его спросил, но он обладает поразительной способностью извращать самый простой вопрос и увилывать от ответа. Он говорил мне что-то насчет летающих кораблей будущего. Я вообще не очень-то ему доверяю.

– Но что он за человек? – снова спросил Крейк.

– Он мистик, – с готовностью отозвался патер Браун. – Таких сейчас полно. Он из тех субъектов, которые, сидя в парижском кафе или кабачке, утверждают, будто приподняли покрывало Изиды или открыли тайну Стоунхенджа. Для такого случая, как этот, у них, конечно, найдется какое-нибудь мистическое объяснение.

Гладкая черная голова мистера Бернарда Блейка учтиво склонилась в сторону говорившего, но в его улыбке сквозило едва заметное недоброжелательство.

– Я никак не предполагал, сэр, – сказал он, – что вы можете не одобрять мистических объяснений.

– Напротив, – возразил патер Браун с самой любезной улыбкой, прищуриваясь, – такое отношение с моей стороны вполне понятно. Всякий мнимый адвокат может провести меня, но не проведет вас, потому что вы сами адвокат. Всякий дурак, вырядившийся краснокожим, мог бы сойти в моих глазах за настоящего индейца, но мистер Крейк наверняка увидел бы его насквозь. Плут, который легко убедил бы меня в том, что знает все о летательных аппаратах, был бы без труда разоблачен капитаном Уэйном. Но псевдомистиков я вижу сразу, потому что сам не чужд мистики. Подлинный мистик не скрывает тайн, он их разъясняет. Выносит на яркий солнечный свет, а тайна... все же остается тайной. Мнимый же мистик бережет свою тайну во мраке, а когда доберешься до нее, то оказывается, ничего и нет – одно пустое место. Но Дрейдж, как мне кажется, имел в виду нечто совсем другое и гораздо более реальное, когда говорил об огне небесном и о громе среди ясного неба.

– Но что же? – спросил Уэйн. – Как бы то ни было, я думаю, за ним нужно последить.

– Что он имел в виду? – медленно проговорил патер Браун. – Он хотел навести нас на мысль о сверхъестественном, о чуде именно потому, что знал: никакого чуда здесь нет.

– А! – прошипел Уэйн. – Я так и думал! Проще говоря, он сам – убийца.

– Проще говоря, он убийца, не совершивший убийства, – спокойно поправил его патер Браун.

– И это, по-вашему, «проще говоря»? – учтиво осведомился юрист.

– Теперь вы и меня окрестите мистиком, – сказал патер Браун, широко, хотя и несколько смущенно улыбаясь. – Но это вышло случайно. Дрейдж не совершил преступления – этого преступления по крайней мере. Единственное его преступление заключалось в том, что он кого-то шантажировал и с этой целью шатался вокруг дома Мертон. Но он отнюдь не хотел разглашать тайну, как не хотел и того, чтобы Мертон умер, так как эта смерть не принесла бы ему выгоды. Но о нем мы поговорим позже. В данный момент я лишь хочу, чтобы он не мешал нам на пути.

– Каком пути? – спросил юрист.

– Пути истины, – пояснил патер Браун, спокойно глядя на него.

– А вы полагаете, – снова спросил, запинаясь, первый, – что знаете истину?

– Полагаю, – скромно ответил патер Браун.

Наступило внезапное молчание, которое нарушил Крейк, неожиданно крикнув скрипучим голосом:

– Что это? Где же секретарь? Уилтон! Ему надо бы быть здесь!

– Я поддерживаю связь с мистером Уилтоном, – серьезно сказал патер Браун. – Я даже просил его позвонить мне сюда. Он скоро должен позвонить. В сущности, мы раскопали это дело с ним вдвоем, так сказать.

– Ну, если вдвоем, все должно быть в порядке, – проворчал Крейк. – Он всегда, как гончая, вынюхивал след этого негодяя, так что вы хорошо сделали, объединившись с ним. Но, если верно то, что вы говорите, каким образом вы узнали правду?

– Я узнал ее от вас, – спокойно ответил патер Браун, не сводя кроткого взгляда с ветерана, который начинал выходить из себя. – Я хочу сказать, что первая догадка осенила меня, когда вы рассказали об индейце, бросившем нож и убившем человека на вышке форта.

– Вы неоднократно упоминали об этом, – сказал Уэйн, – но я не вижу ничего общего... разве только то, что Даниэль Рок умертвил человека в доме, напоминающем форт. Но стрела была ведь не брошена, а, по всей вероятности, выпущена из лука. Она залетела необычайно далеко, тогда как мы с вами не особенно далеко продвинулись!..

– Боюсь, вы упустили из виду самую суть, – возразил патер Браун. – Дело не в том, что один предмет может пролететь большее расстояние, нежели другой. А в том, что всякий предмет, всякое оружие может быть употреблено и не по прямому назначению. Люди из форта мистера Крейка считали, что нож – это оружие для рукопашного боя, и забывали, что его можно пустить в ход как метательный снаряд – как дротик или копье. Другие знакомые мне люди думали о некоем предмете лишь как о метательном снаряде и забывали, что его можно пустить в ход как нож. Короче говоря, мораль этой истории такова: раз кинжал может быть превращен в стрелу, то и стрела может быть превращена в кинжал.

Все взоры были теперь устремлены на священника, но он продолжал тем же ровным невозмутимым тоном:

– Все мы, естественно, удивлялись и ломали себе голову над тем, кто же пустил стрелу в окно и с большого ли расстояния... А правда заключается в том, что стрелу никто не пустил. Она вовсе не влетала в окно...

– Но как же она туда попала в таком случае? – спросил черноволосый юрист, заметно нахмурившись.

– Кто-то принес ее с собой, я полагаю, – ответил патер Браун. – Пронести ее незаметно было нетрудно. Кто-то держал ее в руке, стоя подле Мертон в его комнате. Кто-то вонзил ее в горло Мертон, как кинжал. И затем представил все в таком свете, что всем нам тотчас пришло в голову, будто стрела влетела в окно, как птичка.

– Кто-то! – глухо повторил старый Крейк.

Резко, со зловещей настойчивостью зазвонил телефон. Он находился в соседней комнате, и патер Браун бросился туда так стремительно, что никто из остальных и пошевелиться не успел.

– Что все это значит, черт возьми? – воскликнул Питер Уэйн, по-видимому, сильно потрясенный и расстроенный.

– Он говорил, что ждет звонка Уилтона, – ответил дядюшка тем же безжизненным тоном.

– Надо думать, это и звонит Уилтон? – заметил юрист, явно только для того, чтобы что-нибудь сказать.

Никто ему не ответил. Царило глубокое молчание, пока в комнату не вернулся патер Браун.

– Джентльмены, – сказал он, усаживаясь на прежнее место, – вы сами просили меня доискаться истины в этой загадке. И, доискавшись, я намерен огласить ее, не стараясь смягчить удар.

– Очевидно, – сказал Крейк, первым нарушая наступившее после этих слов молчание, – из этого следует, что вы обвиняете или по крайней мере подозреваете некоторых из нас.

– Все мы под подозрением, – ответил патер Браун, – и я в том числе, потому что именно я нашел труп.

– Конечно, мы под подозрением, – выпалил Уэйн. – Вы уже однажды любезно разъяснили мне, что я мог бы напасть на башню с аэроплана.

– Нет, – с улыбкой поправил его патер Браун, – это не совсем так. Вы сами мне описывали, как могли бы это проделать. Это-то и было особенно любопытно.

– А обо мне он, кажется, думал, что я убил Мерттона из индейского лука, – проворчал Крейк.

– Я считал это совершенно неправдоподобным, – заявил патер Браун с кислой гримасой. – Сожалею, если я поступал нехорошо, но у меня не было другого способа прощупать почву. Трудно представить себе что-нибудь нелепее предположения, будто капитан Уэйн в момент убийства крейсировал у окна на огромной машине и никто этого не заметил; не менее нелепо предположение, будто почтенный старый джентльмен стал бы играть в индейца, прячась за несуществующими кустами с луком и стрелами, чтобы убить человека, которого он мог бы убить и другим, несравнимо более простым способом. Но мне надо было выяснить, имели ли капитан Уэйн и мистер Крейк какое-либо отношение к этому делу. И мне пришлось обвинить их, чтобы доказать их непричастность.

– Что же убедило вас? – спросил Блейк, адвокат, подавшись вперед всем телом.

– То волнение, которое они проявили, когда поняли, что их подозревают, – ответил патер Браун.

– Не поясните ли вы свои слова?

– Если позволите, – сказал патер Браун, который прекрасно владел собой. – Я, безусловно, считал, что мой долг – подозревать их, как и всех остальных. Я подозревал мистера Крейка и капитана Уэйна, иными словами, я взвешивал, насколько возможен тот факт, что один из них совершил преступление. Я тогда сказал им, что уже сделал свои заключения, а сейчас объясню, какого рода были эти заключения. Я убедился в том, что они не виновны, по их поведению в тот момент, когда они осознали свое положение и пришли в негодование. Пока они не подозревали, что их могут обвинить, они буквально свидетельствовали против себя. Они разъяснили мне, как могли бы совершить преступление. Потом вдруг сообразили, что их подозревают. За этим последовало непритворное потрясение, гневные крики... Будь они виновны, они выдали бы себя задолго до того, как сообразили, а в данном случае они сообразили раньше, чем я успел выдвинуть против них обвинение. Этого никогда не случается с настоящим преступником. Он или сразу настораживается и огрызается, или до конца

разыгрывает ни о чем не подозревающую невинность. Во всяком случае он не станет сначала усугублять свое положение, а потом, вскочив, бешено отрицать и опровергать подозрение, которое сам же навлек на себя. Убийца всегда так болезненно настроен, что не может сначала забыть о своей причастности к данному делу, а затем спохватиться и начать горячо отрицать свою связь с ним. Так я испытал вас, а также и некоторых других – по причинам, о которых мы не будем сейчас распространяться. Вот, например, секретарь... Впрочем, речь не об этом. Я только что говорил с Уилтоном по телефону, и он разрешил мне поделиться с вами кое-чем. Новости довольно важные. Я полагаю, что в данный момент вам всем известно, кто такой Уилтон и какую он преследовал цель?

– Он выслеживал Даниэля Рока и говорил, что не успокоится, пока не доберется до него, – отозвался Питер Уэйн. – Я также слышал, что он сын старого Хордера и что для него это было делом кровной мести. Надо думать, он и сейчас разыскивает этого Рока.

– Так знайте же, – сказал патер Браун, – что он нашел его.

Питер Уэйн в волнении вскочил с места.

– Нашел убийцу?! – воскликнул он. – И что же, убийца уже под замком?

– Нет, – серьезно продолжал патер Браун. – Я сказал, что новости важные. Боюсь, что бедняга Уилтон взял на себя огромную ответственность. Боюсь, что теперь ответственность лежит на нас. Уилтон выслеживал преступника и... в тот момент, когда припер его к стене, он, как бы это сказать, сам... взял на себя функции правосудия...

– Вы хотите сказать, что Даниэль Рок... – начал юрист.

– Я хочу сказать, что Даниэль Рок умер, – подтвердил патер Браун. – Произошла отчаянная схватка, и Уилтон убил его.

– Поделом негодяю, – проворчал мистер Гикори Крейк.

– Трудно осуждать Уилтона за убийство такого злодея, особенно принимая во внимание тот факт, что это кровная месть, – поддержал дядюшку Уэйн.

– Я с вами не согласен, – сказал патер Браун. – Хорошо разглагольствовать об этом, сидя здесь. Сейчас мы защищаем самосуд и беззаконие, но мы первые пожалеем, если нам придется отказаться от своих законов и свобод. Да, кроме того, логично ли оправдывать какими-либо мотивами убийство, совершенное Уилтоном, не справившись даже, не было ли у Даниэля Рока таких побуждений, которые могли бы послужить к его оправданию? Сомневаюсь, что Рок был заурядным убийцей. Возможно, это был маньяк, стоявший вне закона, бредивший чашей, требовавший ее с угрозами и убивавший только в борьбе. Обе его жертвы были найдены мертвыми в нескольких шагах от дома. Против поступка Уилтона говорит, прежде всего, то, что мы никогда не сможем выслушать Даниэля Рока и узнать его точку зрения.

– Будет вам! Еще чего не хватало – слушать оправдания убийцы и шантажиста! – вскипел Уэйн. – Если Уилтон прикончил мерзавца, он сделал хорошее дело, и довольно об этом.

– Вот именно, вот именно, – поддержал его дядюшка, энергично кивая головой.

Лицо патера Брауна приняло еще более серьезное выражение. Он медленно обвел глазами собравшихся.

– Вы и в самом деле такого мнения? – спросил он.

Патер Браун вдруг вспомнил, что он англичанин, что здесь он на чужбине, среди чужестранцев, пусть даже и друзей. В груди у них пылали страсти, несвойственные его народу.

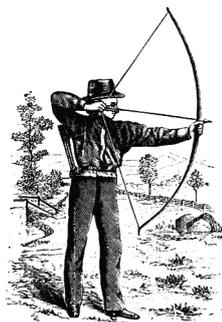
– Хорошо, – со вздохом сказал патер Браун. – Вы, значит, решительно готовы простить этому несчастному его преступление? В таком случае я могу, не опасаясь за него, сообщить вам кое-какие подробности.

Он неожиданно поднялся на ноги. И хотя никто не понял, с какой целью он это сделал, по спинам собравшихся пробежал холодок.

– Уилтон убил Рока не совсем обычным способом, – начал он.

– Как же он его убил? – резко спросил Крейк.

– Стрелой.

Сумерки сгущались. Дневной свет тускнел за большим окном внутренней комнаты, где был убит великий миллионер. Глаза всех собравшихся машинально повернулись к этому окну. Но никто не проронил ни звука. Наконец, Крейк произнес срывающимся, старческим голосом:

– Что... что вы говорите? Брандер Мертон был убит стрелой... Тот негодяй... тоже стрелой...

– Одной и той же стрелой, – объявил патер Браун, – и в тот же самый момент.

Снова воцарилось молчание, тяжелое, напряженное молчание, потом молодой Уэйн начал:

– Вы хотите сказать...

– Что ваш друг Мертон и Даниэль Рок – одно и то же лицо, – заявил патер Браун. – И другого Даниэля Рока вам никогда не найти. Ваш друг Мертон всегда с ума сходил по коптской чаше и, кажется, поклонялся ей, как идолу. В дни своей юности, весьма необузданной, он, чтобы заполучить ее, убил двух человек. Впрочем, я все еще думаю, что эти две смерти лишь случайно оказались связанными с грабежом. Как бы то ни было, вся эта история стала известна человеку по имени Дрейдж, и тот шантажировал Мертона. Уилтон же преследовал иные цели. Думаю, что он открыл правду лишь после того, как попал сюда. Он охотился на Даниэля Рока, и кончилась эта охота здесь, в этом доме, в той комнате, где он расправился с убийцей своего отца.

Долгое время все молчали. Старый Крейк вдруг забарабанил пальцами по столу и пробормотал:

– Брандер, верно, был сумасшедшим, сумасшедшим...

– Но как же нам быть? – всполошился Питер Уэйн. – Что делать? О, это все меняет! Что скажут газеты?! Брандер Мертон был очень видной фигурой!

– Да, я также полагаю, что это все меняет, – негромко заговорил Бернард Блейк, адвокат. – И мы вынуждены...

Патер Браун ударил по столу так, что стоявшие на нем стаканы зазвенели. И всем показалось, будто таинственная чаша, которая все еще стояла в соседней комнате у окна, ответила слабым эхом.

– Нет! – крикнул он, как выстрелил. – Ничего это не меняет! Я дал вам возможность пожалеть беднягу, найти ему оправдание, но вы и слышать не хотели. Вы все оправдывали такое сведение личных счетов. Вы говорили, что Рока следовало прикончить, как дикого зверя, без суда и следствия. Что он получил по заслугам. Прекрасно! Если Даниэль Рок получил по заслугам, то и Брандер Мертон получил по заслугам! Выбирайте: либо ваш жестокий самосуд, либо наша скучная законность! О, во имя Неба, пусть беззаконие или законность будут одинаковы для всех, пусть перед лицом того ли, другого ли – все будут равны!

Никто не ответил, только адвокат проворчал:

– Что скажет полиция, узнав, что мы намерены простить убийцу?

– Что она скажет, если я сообщу ей, что вы его уже простили? – возразил патер Браун.

Помолчав, он продолжал более мягким тоном:

– Я лично готов рассказать всю правду, если ко мне обратятся власть имущие. Вы же можете поступать как вам заблагорассудится. Но фактически это ничего не изменит. Уилтон звонил мне, чтобы сказать, что я могу открыть вам всю правду, так как к тому времени, когда вы ее узнаете, он будет уже вне пределов досягаемости!

Патер Браун медленно прошел в соседнюю комнату и остановился у столика, подле которого умер миллионер. Коптская чаша стояла на прежнем месте, и он некоторое время смотрел, как горели, переливаясь всеми цветами радуги, ее камни, затем перевел взгляд на голубую бездну неба.

Собака-оракул

– Да, – сказал патер Браун, – я люблю собак, но только до тех пор, пока из них не делают божества.

Хорошие рассказчики не всегда бывают хорошими слушателями. В своих рассказах они блещут умом, но когда их перебивают, будто впадают в остолбенение. Собеседником патера Брауна был человек с целой кучей идей и историй – восторженный юноша по имени Фьенн, с острым взглядом голубых глаз и белокурыми волосами, которые, казалось, были зачесаны назад не только щеткой, но и всеми ветрами мира. Он мгновенно прервал поток своего красноречия и лишь после нескольких секунд недоуменного молчания понял весьма простой смысл слов патера Брауна.

– Вы хотите сказать, что люди чересчур превозносят собак, – промолвил он. – Не знаю. По-моему, собаки – изумительные создания. Порой мне кажется, что они знают гораздо больше нас.

Патер Браун ничего не ответил. Он продолжал рассеянно, но очень нежно гладить по голове крупного сеттера, сидевшего у его ног.

– Так вот, – сказал Фьенн, с прежним жаром возобновляя свой монолог, – в той истории, которая привела меня к вам, как раз замешана собака. Я говорю об «убийце-невидимке». История сама по себе достаточно странная, но самое загадочное в ней, по-моему, собака. Конечно, все преступление – тайна. Каким образом был убит старик Дрюс, если, кроме него, в беседке никого не было...

Рука, ритмично поглаживавшая собаку, на мгновение остановилась.

– А! Стало быть, это произошло в беседке? – спокойно спросил патер Браун.

– Я думал, вы прочли подробности в газетах, – ответил Фьенн. – Подождите минутку. Кажется, у меня есть при себе вырезка с подробным отчетом. – Он достал из кармана газетную вырезку и передал ее священнику.

Тот поднес ее к своим мигающим глазам и углубился в чтение, продолжая свободной рукой почти бессознательно гладить собаку. Его поведение вызывало в памяти притчу о человеке, правая рука которого не ведает того, что творит левая.

«В связи с загадочным преступлением в Кранстоне, Йоркшир, вспоминаются все детективные романы, в которых фигурируют преступники, проникающие в запертые двери и окна и покидающие наглухо закрытые помещения. Как уже сообщала наша газета, полковник Дрюс был заколот кинжалом в спину, причем орудие преступления исчезло бесследно.

Беседка, в которой был найден труп, имеет только один выход, прямо на главную аллею сада. Однако, по странному стечению обстоятельств, и сама аллея, и вход в беседку находились под наблюдением в момент совершения преступления, что подтверждается рядом свидетельских показаний. Беседка находится в самом конце сада, у изгороди. Центральная аллея обсажена цветами и ведет без единого поворота к самой беседке. Таким образом, никто не мог бы пройти по ней незамеченным. Иного же доступа к беседке не было.

Патрик Флойд, секретарь убитого, утверждает, что он имел возможность обозревать весь сад целиком в тот момент, когда полковник Дрюс в последний раз появился на пороге

беседки, так как он, Флойд, в это самое время подстригал живую изгородь сада, стоя на стремянке.

Джэнет Дрюс, дочь покойного, подтверждает показания Флойда. По ее словам, она все время сидела на террасе виллы и смотрела, как работает Флойд. То же самое показывает и брат ее, Дональд Дрюс, стоявший у окна своей спальни в халате (он в тот день поднялся поздно) и глядевший в сад. Все эти три показания, в свою очередь, совпадают с показаниями соседа Дрюсов, доктора Уолентайна, беседовавшего на террасе с мисс Дрюс, и с показаниями адвоката покойного, мистера Обри Трейла, который, по-видимому, был последним из видевших полковника живым – за исключением, разумеется, убийцы.

Все эти показания воссоздают нижеследующую картину: приблизительно в половине четвертого пополудни мисс Дрюс, пройдя по аллее, приблизилась к беседке и спросила своего отца, когда он будет пить чай. На это мистер Дрюс ответил, что он вовсе не хочет чая и что он ждет своего адвоката, мистера Трейла, за которым он уже послал. Мисс Дрюс отошла и, встретив мистера Трейла в аллее, проводила его к беседке. Через полчаса мистер Трейл вышел из беседки; одновременно с ним на пороге появился и полковник, находившийся, по всей видимости, в добром здравии; он был даже в несколько приподнятом настроении, ибо в тот день его посетили еще гости – два племянника... Однако, ввиду того, что последние были на прогулке в течение всего этого времени, они не могли дать никаких более или менее существенных показаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.